

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

**Семантика цветообозначения *хар* ‘черный’
в фольклорном тексте: лингвокультурологический
аспект (на примере калмыцких сказок в записи
Г. Й. Рамстедта)**

*Александра Тагировна Баянова*¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баянова А. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена анализу значения колоронима *хар* ‘черный’ в фольклорном тексте. *Целью* исследования является анализ семантики цветообозначения *хар* ‘черный’ с точки зрения лингвокультурологии. *Материалом* исследования послужили тексты калмыцких сказок, записанных Г. Й. Рамстедтом. *Результаты.* На основе анализа выделено шесть оттенков черного цвета. Определена семантика лексемы *хар* ‘черный’. Рассмотрены способы перевода исследуемой лексемы на немецкий язык. *Выводы.* Лексема *хар* ‘черный’ имеет широкую семантику. В своем номинативном значении используется при обозначении цвета, масти животных, цвета кожи человека. В именах собственных он применяется в значении ‘крепкий, сильный’. Лексема *хар* ‘черный’ может обозначать социальное положение человека: *хар яста кун* ‘простолодин’ (букв. ‘человек черной кости’). В большинстве случаев лексема *хар* ‘черный’ имеет отрицательную коннотацию. Черным цветом обозначаются хтонические символы (*хар цурх* ‘черная щука’, *хар темэн* ‘черный верблюд’, *ут хар кун* ‘букв. длинный черный человек’).

Ключевые слова: черный цвет, лингвокультурология, семантика, калмыцкий язык, фольклорный текст, цветообозначение

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Баянова А. Т. Семантика цветообозначения *хар* ‘черный’ в фольклорном тексте: лингвокультурологический аспект (на примере калмыцких сказок в записи Г. Й. Рамстедта) // Монголоведение. 2021. Т. 13. № 1. С. 96–107. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

Semantics of the Color Term *xap* ‘Black’ in Folklore Texts: A Linguoculturological Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt)

Aleksandra T. Bayanova¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayanova A. T., 2021

Abstract. *Introduction.* The article analyzes semantic components and variants of the Kalmyk color term *xap* ‘black’ in folklore texts. *Goals.* The study investigates semantics of the color term *xap* ‘black’ in a linguocultural perspective. *Materials.* The work explores Kalmyk folktales recorded by the Finnish scholar G. J. Ramstedt during his scientific expedition to the Kalmyk Steppe. *Results.* The analysis reveals six shades of black and sums up its semantic constituents and variants. Special emphasis is laid on the applied Kalmyk-to-German translation means. *Conclusions.* The lexeme *xap* ‘black’ is distinguished by extensive semantics. It serves to denote animal coat and human skin colors. In personal names, it has the meaning of ‘strong, enduring’. The word can also identify an individual’s social status, e.g., *xap яста кун* ‘commoner’ (lit. ‘a black-boned man’). In most cases the lexeme *xap* ‘black’ contains negative connotations. The color black designates chthonian symbols (*xap цурх* ‘black pike’, *xap темэн* ‘black camel’, *ум хар күн* lit. ‘tall (long) black man’).

Keywords: color black, linguoculturology, semantics, Kalmyk language, folklore text, color term

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions – Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (state reg. no. 075-15-2019-1879).

For citation: Bayanova A. T. Semantics of the Color Term *xap* ‘Black’ in Folklore Texts: A Linguoculturological Aspect (A Case Study of Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt). *Mongolian Studies (Elista)*. 2021. Vol. 13(1): 96–107. (In Russ.). DOI: 10.22162/2500-1523-2021-1-96-107

Введение

Черный цвет в калмыцкой культуре так же, как и во многих культурах других народов, являясь антиподом белого цвета, символизирует тьму, смерть, зло и т. д. По мнению Н. Л. Жуковской, черный цвет имеет у монголызычных народов отрицательную коннотацию, с ним связано «все негативное (злое, темное, жестокое, несчастливое, профанное)» [Жуковская 2002: 203]. Черный цвет «вызывал суеверные страхи и представления о злых духах» [Кочешков 1973: 12].

В культурологическом аспекте слово *xap* имеет довольно широкую семантику. В калмыцко-русском словаре имеются следующие значения слова *xap* ‘черный’: 1. 1) черный, темный: *xap керэ* ‘черный ворон’, *xap шур* ‘черная крапка’; 2) постный (в значении без молока), чистый (в значении без примесей):

хар цэ (незабеленный чай), *хар усн* ‘чистая вода’; 3) простой, простонародный: *хар кун* ‘простолудин, мирянин’; *хар келн* ‘просторечный (разговорный) язык’; 4) черный, физически тяжелый: *хар көдлми* ‘черная (физически тяжелая) работа’; *хар күчн* ‘физическая сила’; 5) дурной, скверный; вредный; порочный преступный: *хар саната* ‘злонамеренный, коварный’; 6) самый сильный; самый...: *хар киитн* ‘сильный холод’; *хар салькн* ‘сильный (бесснежный) ветер’.

2. 1) очень, слишком: *хар өрлэ* ‘рано утром’; *хар нетрусн* ‘тьма-тьмушая, видимо-невидимо’ [КРС 1977: 576–577].

Целью данной статьи является анализ семантики черного цвета на основе фольклорного текста.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили сказки, записанные финским ученым Г. Й. Рамстедтом. Полевые записи сказок были изданы Г. Й. Рамстедтом на калмыцком и немецком языках в двух частях. Первая часть, опубликованная в 1909 г., состоит из 18 сказочных текстов [Kalmückische ... 1909]. Вторая часть книги, содержащая сказки под номерами 19–22 (с. 155–237), вышла в свет только в 1919 г. [Kalmückische ... 1919].

Так как данное исследование проводится на основе фольклорного текста, являющегося хранилищем культурной информации определенного этноса, фиксирующего «мир» той культуры, на языке которой он создан, то использовались метод лингвокультурологического анализа фольклорного текста, предполагающего анализ единиц художественного текста с точки зрения их национально-культурной семантики, и метод концептуального анализа с целью реконструкции национальной языковой картины мира.

Диапазоны оттенков черного цвета в калмыцких сказках в записи Г. Й. Рамстедта

Согласно исследованному фактическому материалу в анализируемых калмыцких сказках Г. Й. Рамстедта, лексема *хар* по частотности употребления занимает лидирующее положение — 144 словоупотребления, что составляет 32,4 % от общего количества цветовой лексики.

Диапазон оттенков черного цвета варьирует от блестяще-черного до серо-рыжего (см. табл. 1).

Таблица 1. Шкала оттенков черного цвета
(на материале сказок в записи Г. Й. Рамстедта)

[Table 1. Shades of black traced in Kalmyk folktales recorded by G. J. Ramstedt]

№	Оттенки	Калмыцкий текст ¹	Перевод на русский язык ²
1.	блестяще-черный	(1) ³ <i>negñ zamb^o хар^o мах^oлā öms^odž</i> = <i>негñ замб хар махлэ өмсч...</i> [Калмыцкие сказки 2018: 85]	‘Один был в черной шапке’

¹ Здесь и далее переложение на современную калмыцкую графику дано по изданию «Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования». В 3 ч. Ч . II. [Калмыцкие сказки 2018].

² Перевод на русский язык осуществлен автором статьи.

³ Примеры и их нумерация даны в скобках.

2.	черный	(2) <i>ter° oktr̥ ɣar° buɣān ögl̥-tä!</i> » <i>genā.</i> = « <i>Тер оһтр хар бууһан өглтә!</i> » — <i>генә.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 199]	‘«Короткоствольное черное ружье дайте мне!» — говорит’
3.	черно-бурый	(3) <i>en° miñ! ɣalä šonɣor šowün, ɣasɣ ɣar° poɣā ɣoj°täy aldɔc kün ken bolnä?</i> = <i>Эн мини халә шоңхр шовун хаср хар нохә хойрәг алдг күн кен болнә?</i> [Калмыцкие сказки 2018: 97]	‘«Этих моих кречет птицу и охотничью черную собаку что за человек убил?»
4.	бурый	(4) <i>ardɥ omɣün ɣar° tsurɣo bolāw ornā.</i> = <i>Арднь омргин хар цурх болад орнә.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 271]	‘Следом бросился, обернувшись огромной черной шукой’
5.	темно-серый	(5) <i>dērēs° delt̥r̥in̥ tsigē ɣar° ūl̥n̥ šüɣpdž kütš-igēd awā(d)-jowāw-odw°</i> = <i>Дерәс делтрин чигә хар үүлн шуугж күрч ирәд, ава(д) йовад одв.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 91]	‘Сверху с подпотник величиной черная туча с шумом налетела и унесла его’
6.	серо-рыжий	(6) <i>usɥ šar° maŋg.°s̥in̥ ār° biñd° neg mū ɣar° gerbāɣo, ter° ger miñ! ger ter°</i> = <i>Усн шар маңгсин ар биңд нег му хар гер бәэх, тер гер мини гер тер.</i> [Калмыцкие сказки 2018: 371]	‘«Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом»’

1. Из контекста сказки следует, что носил черную шапку человек, находившийся в услужении хана, и скорее всего он не был простолюдином. Как пишет И. А. Житецкий, «простонародье носит шапки, сделанные из сукна, нанки и пр.» [Житецкий 1893: 9]. Скорее всего, это была меховая шапка. Среди мужских шапок различали несколько ее видов: *хазг махла* ‘казачья шапка’ — самая распространенная, круглой формы; *бучтә махла* ‘шапка с ушками’; *тоорцг махла* ‘женская шапочка’; *хажлһ махла* ‘четырёхугольная шапка’. Для шапок использовали обработанную мерлушку — шкуру ягненка, причем забивали для этого детеныша курдючной овцы возрастом до месяца, так как стекловидный и первичный волосьяной покров обладал особым свойством — блеском и имел мелкие кольцеобразные завитки, что служило дополнительным украшением головного убора. Мерлушка могла быть черного, белого и серого цветов. В данном контексте цвет шапки блестяще-черный. В немецком тексте автором использовано прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(7) *negñ zamb° ɣar° maɣl̥ä öms°dž...* = *негнь замб хар махлә өмсч...* ‘один был в черной шапке...’ — ...*der andere hatte eine runde schwarze mütze aufgesetzt.* ‘Другой надел круглую черную шапку’⁴ [Калмыцкие сказки 2018: 85].

2. Лексема *хар* в своем номинативном значении используется при обозначении цвета предметов: *хар кевс* ‘черный ковер’, *хар бу* ‘черное ружье’, *хар маля* ‘черная плеть’ и т. д. В немецком тексте используется прилагательное *schwarz* ‘черный’:

(8) *ter° oktr̥ ɣar° buɣān ögl̥-tä!* = *Тер оһтр хар бууһан өглтә!* ‘То короткоствольное черное ружье дайте мне!’ — ...*gib mir jenes kurze schwarze gewehr!* ‘Дай мне то короткоствольное черное ружье!’ [Калмыцкие сказки 2018: 199].

⁴ Здесь и далее перевод с немецкого на русский язык осуществлен автором статьи.

ре, обозначает грозовое облако [КРС 1977: 577]. В фольклорных текстах тучи обычно имеют эпитет «черный» (явная гиперболизация) и являются предвестником плохого, беды, несчастья:

- (11) *dērēs° delt°rīn tsigē° ʰar° ūlŋ šuγāb kürts°-irēb unγīγ awā jomnā.* = ... *деерэс делтрин чигэ хар үүлн шуугад күрч ирэд, унһиг ава[д] йомнэ.* ‘...сверху с подпотник величиной **черная** туча с шумом налетела и унесла жеребенка’ — ...*von oben eine schwarze wolke herabgesaut, so gross wie ein sattelpolster, und raubt das fohlen..* ‘...сверху спустилось **черное** облако, такое большое, как седло, и похитило жеребенка’ [Калмыцкие сказки 2018: 89].

6. Как описывалось выше, кибитки калмыков *ишкэ гер* были покрыты войлоком, цвет которого свидетельствовал о состоятельности хозяина. Черные кибитки *хар гер* имели простолоюдины. Следует отметить, что цвет простой кибитки *хар гер* не являлся черным. Кошму для кибитки бедняки делали из шерсти овец калмыцкой породы, преобладающим окрасом которых был рыжий цвет. Как отмечает И. А. Житецкий, кибитки покрывались «серо-рыжими кошмами и известны под именем *хар гер*» [Житецкий 1893: 4]. Кибитки казались черными и потому, что из-за бедности войлок, который должен меняться каждые три-четыре года, использовался часто долгие годы. За это время он становился черным от копоти, неблагоприятных климатических условий, частых латаний.

При переводе предложения:

- (12) *unŋ šar° maŋg.°sīn ār° bījnd° neg mū ʰar° gerbāx̄p, ter° ger miŋc ger ter°* = *Усн шар маҥһсин ар бийнд нег му хар гер бээх, тер гер мини гер тер* ‘Позади [жилища] Усун Шара мангасов стоит убогая черная кибитка, эта кибитка и есть мой дом’ — *Auf der nördlichen seite von dem der gelben Wassermangas steht ein schlechtes, schwarzes zelt, das ist mein haus.* ‘Позади жилища (букв. на северной стороне) Усун Шара мангасов стоит убогая **черная** кибитка, эта кибитка и есть мой дом’ [Калмыцкие сказки 2018: 371]

— ученый использует при обозначении цвета кибитки прилагательное *schwarz* ‘черный’. В этом же предложении следует отметить правильный перевод словосочетания *ар бий* ‘задняя (тыловая сторона) дома’ — *die nördliche seite* ‘северная сторона’. Это свидетельствует о том, что автор хорошо знаком с древней системой ориентации на восход у калмыков, где «север в калмыцкой культуре обозначается как сторона, задняя к стороне полудня» [Бакаева 2009: 20].

Таким образом, в текстах Г. Й. Рамстедта найдено и выделено шесть оттенков черного цвета.

Семантика лексемы *хар* ‘черный’

Лексема *хар* часто используется при обозначении масти лошадей. Так, в рассматриваемом фольклорном тексте обнаружены три случая употребления лексемы *хар* при описании масти: *хар кер мөрн* ‘черный гнедой конь’; *хар һалзн мөрн* ‘черный с лысиной конь’; *хар маһтг* ‘черный низкорослый’ (конь):

- (13) *ʰar° kēr möftā, ʰar° unγŋ daχ°tā, ʰar° ulān zalū kürts irēb* = ... *хар кер мөртэ, хар уһнн дахтэ, хар улан залу күрч ирэд...* ‘...на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал’ — *Unterdessen kam ein*

schwarz und roter jüdling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz und auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten ‘Тем временем подъехал смуглый юноша в шубе из жеребячьей кожи на темно-коричневом коне’ [Калмыцкие сказки 2018: 347];

(14) *jisn₃ ɣar^o g. aln₃ mör¹ awāb imā = Ёисн хар халзи мөр авад ирнэ...* ‘Девять черных с лысиной коней привели’ — Neun schwarze rosse mit einer blässe am maule holt er herbei ‘Девять черных коней с бледной пастью он привел’ [Калмыцкие сказки 2018: 267];

(15) *neg ik^o ɣar^o maštɔɟ awāb, neg ik^o tömr₃ terg^o awāb, möngān atš¹dž awāb, g. arāb jowdɔɟ bolnā.* = *Нег ик хар маштг авад, нег ик төмр терг авад, мөнгэн ачж авад, һарад йовдг болнэ.* ‘Одного ширококостного черного низкорослого [коня] купили, одну большую железную телегу купили, деньги свои погрузили и поехали’ — Danach kauften sie ein grosses schwarzes pferd und einen hohen eisernen karren, luden darauf das geld und fuhren von da zurück. ‘Затем они купили большую черную лошадь и высокую железную тележку, погрузили на нее деньги и поехали обратно’ [Калмыцкие сказки 2018: 249].

Г. Й. Рамстедт дает следующие переводы мастей лошадей: *хар кер мөрн* ‘ein schwarzes Roß mit einer blässe am maule’ (букв. ‘черный конь с бледностью на носу’), *хар халзи мөрн* ‘ein dunkelbraunes Roß’ (букв. ‘темно-коричневый конь’), *хар маштг* ‘ein schwarzes Pferd’ (букв. ‘черная лошадь’).

Как отмечалось выше, черный цвет выступает для характеристики существ Нижнего мира — мусов, шулмусов, мангасов и т. д., которые относятся к фольклорным персонажам и являются «исключительной принадлежностью сказочно-эпической картины мира» монголоязычных народов, так как встречаются только в сказочных текстах [Неклюдов 2019: 241]:

(16) *χōfŋ tawŋ tolyātā χotχ^r ɣar^o maŋɟ ps bolāb öwgīg sorŋ aldāb zoksw.* = *Хөрн тавн толхэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* ‘В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и, старика чуть было не проглотив, стоял’ — Jener wurde ein senkrückiger, schwarzer Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen. ‘Тот стал черным мангасом с двадцатью пятью головами, захотел высосать кровь у мужчины, но не достал его и остановился’ [Калмыцкие сказки 2018: 171];

(17) *ūđīn χōrŋd^o kürtš ireb χōfŋ tawŋ tolyātā χotχ^r ɣar^o müs keldž-ānā:* «*jün esw. -ugē dōŋtā tüšktā bolāb odw. -ta?* = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжэнэ:* «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?» ‘К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой **черный** мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»’ — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor Chara Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: “Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen? ‘Когда двадцатипятиголовый Хотхор Хара Мус приблизился к дверному косяку, говорит этот: «Какую большую поддержку и помощь вы сейчас получаете?»’ [Калмыцкие сказки 2018: 489].

В немецком тексте Г. Й. Рамстедт использует два варианта перевода лексемы *хар* — 1) прилагательное schwarz ‘черный’, 2) без перевода, дает транслитерацию лексемы в качестве онима — *Chotchor Chara Mus* ‘Хотхор **Хара** Мус’ (букв. кривой черный мус):

- (18) $\dot{\chi}öfn\ taw\dot{n}\ tol\dot{y}\dot{ä}t\dot{ä}\ \dot{\chi}ot\dot{\chi}^r\ \dot{\chi}ar^o$ mang, ps bolād öwgīg sorñ aldād zoksw, = *Хөрн тавн толхэтэ хотхр хар маңһс болад, өвгиг сорн алдад зогсв.* ‘В двадцатипятиголового кривого черного муса [он] превратился и старика чуть было не проглотил’ — Jener wurde ein senkrückiger, **schwarzer** Mangas mit fünfundzwanzig köpfen, wollte den mann aussaugen, erreichte ihn nicht und blieb da stehen. ‘Тот превратился в кривого **черного** мангаса, захотел высосать кровь у старика, но не настиг его и остановился здесь’ [Калмыцкие сказки 2018: 171];
- (19) $\dot{d}\dot{i}n\ \dot{\chi}örnd^o\ kürts\ irēb\ \dot{\chi}öfn\ taw\dot{n}\ tol\dot{y}\dot{ä}t\dot{ä}\ \dot{\chi}ot\dot{\chi}^r\ \dot{\chi}ar^o$ müs keldž-ānā: «jün esw, -ugē dōñtā tüš'ktā bolād odw, -ta?» = *Үүдин [прав. үүдн] хоорнд күрч ирэд, хөрн тавн толхэтэ хотхр хар мус келжэнэ: «Юн эсв угэ дөңтэ-түшгтэ болад одвта?»* ‘К порогу подойдя, двадцатипятиголовый кривой черный мус говорит: «Что за помощника-опору нашли вы себе?»’ — Als der fünfundzwanzigköpfige Chotchor **Chara** Mus zwischen den türpfosten angerückt ist, spricht dieser: “Was für eine grosse stütze und hilfe habt ihr jetzt bekommen?” ‘Когда двадцатипятиголовый Хотхор **Хара** Мус приблизился к дверному проему, сказал: «Что за большую опору и помощь вы сейчас получили?»’ [Калмыцкие сказки 2018: 489].

С религиозными представлениями калмыков о Нижнем мире связан и фразеологизм, использующийся как проклятие: (20) $d\dot{z}odw, t\dot{ä}y\dot{ā}n\ \dot{\chi}ar^o\ g, azr\dot{t}^o\ od!$ = *„Жодвтэхан“ хар һазрт од!* ‘Со своим „Дждово“ сквозь землю провались!’ (букв. ‘Да провались в черную землю!’) — «Scher dich in die hölle mit deinem Dordži-Džodba!» antwortete sie ihm. ‘Убирайся в преисподнюю (проваливай в ад) со своим Дорджи Дждоба!» — отвечает она ему’ [Калмыцкие сказки 2018: 443].

Наряду с лексемой *цаһан* слово *хар*, как отмечалось выше, обозначает социальное положение человека: *хар яста күн* ‘простолюдин’ (букв. ‘человек черной кости’), *хар күн* ‘мирянин, простолюдин’, *хара эмтн* ‘простые смертные люди’:

- (21) $er\ \dot{\chi}ul\dot{y}on^o\ keldž-ānā:$ «jē, en^o-tšín! $\dot{\chi}ar\dot{ä}\ \dot{ä}m\dot{t}n\ biš!$, enüģī-tšign^o idx-öm biš!» gedž kelñā. = *Эр хулһн келжэнэ: «Э, энчн хара эмтн биш, энүгичн идхм биш!»* — *гежж келнэ.* ‘Мышь говорит: «Э-э, он не простой смертный, не будем его есть!» — говорит’ — Der mäuschenmann spricht: “Aha, dies ist nicht ein **umsonstiges** lebewesen. Dies dürfen wir nicht fressen”. ‘Мышь говорит: «Э-э, это **не прочее** живое существо. Этого мы не можем съесть’ [Калмыцкие сказки 2018: 481].

Здесь при переводе на немецкий язык Г. Й. Рамстедт использует выражение *sonstiges lebewesen* ‘прочее живое существо’, хотя в немецком языке существует выражение *das gemeine Volk* ‘простонародье, простолюдин’.

Представляет интерес выражение *ут хар күн* ‘букв. длинный черный человек’. Если говорить о росте человека, уместнее было бы использовать слово *ик* ‘высокий’ вместо *ут* ‘длинный’, словосочетание *хар күн* означает ‘простолюдин’. И в переводе на немецкий язык автор переводит буквально: *lange schwarze mann* ‘букв. длинный черный человек’. Что же означает данное выражение? Явно, что этот персонаж, имеющий один глаз на макушке, олицетворяет зло:

- (22) $ard\dot{ä}š\dot{n}\ or\dot{ä}\ dērñ\ nütt\dot{ä}\ ut^u\ \dot{\chi}ar^o\ k\dot{ü}ñ\ neg\ al^o\ k\dot{t}š\dot{i}\ g\dot{ü}\ un\dot{v}ks\dot{n}\ \dot{ä}š\dot{n}\dot{ä},\ köw\dot{ü}g\ tsok^o\ d\dot{z}\ al\dot{\chi}ar.$
= *Ардаснь орэ деернь [прав. деерән] нүдтэ ут хар күн нег алгч гү унссн аашнэ*

көвүг цокжэ алхар. ‘Вдогонку за ним с глазом на макушке длинный черный человек на пегой кобыле поскакал, чтобы мальчика убить’ — Hinter ihm her nähert sich auf schwarz und weisser stute ein langer, schwarzer mann mit nur einem auge auf dem scheidel, — er nähert sich, um den burschen totzuschlagen. ‘Позади него приблизился на черно-белой кобыле длинный черный человек с одним глазом на макушке, он приблизился, чтобы убить мальчика’ [Калмыцкие сказки 2018: 407].

Черный человек — это мифологический образ, существующий во многих культурах: черные великаны — в германо-скандинавской мифологии [Мифы 1987: 288], Чернобог — злой бог, приносящий несчастье в мифологии балтийских славян [Мифы 1987: 625], в русских сказках — это один из обликов черта. И в калмыцком фольклоре *ут хар күн* — это хтонический образ, являющийся представителем Нижнего мира.

При описании внешности человека в тексте встречается выражение *хар улан* ‘букв. черный красный’, в предложении его можно перевести как ‘смуглый’:

- (23) *tīg°dž-ätl, ɣar° kēr mörtā, ɣar° unṙn daɣ°tā, ɣar° ulān zalū kürtš irēd:* «adünd° sanāyār jū ɣāw-tsi!» = *gegē d tsokād orkw.* = *Тиигжэтл хар кер мөртә, хар унһн дахта, хар улан залу күрч ирэд:* «Адунд санаһар ю хээвч?» — *гегед, цокад оркв.* ‘В это время на вороном коне в дохе [из шкуры] вороного жеребенка смуглый мужчина подъехал. «В табуне что ищешь?» — так сказав, ударил он [его]’ — *Unterdessen kam ein schwarz und roter jüngling mit schwarzem fohlenledernem oberpelz uud auf einem dunkelbraunen rosse herangeritten.* ‘Между тем пришел **красный и черный** юноша в черной шубе из кожи жеребенка на темно-коричневом коне’ [Калмыцкие сказки 2018: 347].

Но в калмыцком языке для обозначения темного цвета лица существуют только два эквивалента — *хар чирэтә* ‘чернолицый’, *хар шарвир* ‘букв. черно-желтоватый’⁵. Рассказчик же употребляет выражение *хар улан*, которого нет в словаре калмыцкого языка. Возможно, это локальное употребление, свойственное данной местности.

Немцы говорят о смуглом человеке — *braun* ‘коричневый’, *gebräunt* ‘загорелый’, *sonnverbrannt* ‘загорелый’. Переводчик дословно переводит это выражение, не используя слов, употребляемых обычно в немецком языке: *schwarz und roter* ‘красный и черный’.

Цветобозначение *хар* чаще всего встречается в именах собственных — 60 словоупотреблений (42 % от общего числа употребления колоратива *хар*). Лексема *хар* является составным элементом антропонимов, встречающихся в фольклорных текстах Г. Й. Расмтедта: *Харадә Мергн, Марс Хар баатр, нойн Хар*. Данный факт подтверждает, что в культурологическом аспекте черный цвет калмыков имеет неоднозначную коннотацию. Данным эпитетом наделены многие персонажи калмыцких сказок, а именно ханы и богатыри: *Хадр Хар Авһ* (хан), *Хэарт Хар Күкл* (богатырь), *Бәру Хар баатр* (богатырь), *Күдр Хар* (богатырь) [Калмыцкие богатырские сказки 2017: 541–542]. Лексема *хар* употребляется в качестве эпитета в данных случаях для того, чтобы подчер-

⁵ Смуглый — «более темной окраски (по сравнению с обычным цветом кожи людей белой расы)» [СРЯ 1961: 222].

кнуть величие и могущество персонажа, т. е. выступает в значении «грозный, могучий».

Для усиления цвета используются наречие *лаш*: (23) *nāmŋ dʒild^a bost-uγē, laš xar^o keptūldž...* = *Нэамн жилд босд[г] угэ лаш хар [бууриг] кептүлж...* ‘Не встающего восемь лет совершенно черного [верблюда] уложили...’ — „Einen acht jahre lang nicht aufstehenden, klotzigen schwarzen kamelhengst (= den grabstein) hat man auf dich gelegt ... ‘Не встающего восемь лет очень черного верблюда уложили ...’ [Калмыцкие сказки 2018: 275]. В немецком варианте наречию *лаш* соответствует прилагательное *klotzig*, ‘неуклюжий, неотесанный’, но оно может употребляться в разговорной речи и как наречие в значении ‘очень’.

Заключение

Анализ фольклорных текстов Г. Й. Рамстедта показал, что лексема *хар* может обозначать оттенки цвета от блестяще-черного до серо-рыжего. Не все значения черного цвета, включенные в структуру словарной статьи Калмыцко-русского словаря [КРС 1977: 576–577], найдены в тексте. Лексема *хар* ‘черный’ имеет широкую семантику. Лексема *хар* ‘черный’ в своем номинативном значении используется при обозначении цвета предметов (*хар кевс* ‘черный ковер’, *хар бу* ‘черное ружье’, *хар маля* ‘черная плеть’), масти животных (*хар кер мөрн* ‘черный гнедой конь’, *хар халзн мөрн* ‘черный с лысиной конь’, *хар маштг* ‘черный низкорослый’ (конь)), цвета кожи человека (*хар залу* ‘смуглый мужчина’). В именах собственных он применяется в значении ‘крепкий, сильный’ (*Марс Хар баатр*). Лексема *хар* ‘черный’ может обозначать социальное положение человека: *хар яста күн* ‘простолудин’ (букв. ‘человек черной кости’), *хар күн* ‘мирянин, простолудин’, *хара эмтн* ‘простые смертные люди’. В большинстве случаев лексема *хар* ‘черный’ имеет отрицательную коннотацию. Черным цветом обозначаются, к примеру, хтонические символы (*хар цурх* ‘черная щука’, *хар темян* ‘черный верблюд’, *ут хар күн* ‘букв. длинный черный человек’). Во всех приведенных примерах в немецкой части текста автор осуществил переводы лексемы *хар*, максимально приблизив к калмыцкому тексту.

Литература

- Атлас 2003 — Атлас пресноводных рыб России. В 2 т. / ред. Ю. С. Решетников. Т. 1. М.: Наука, 2003. 379 с.
- Бакаева 2009 — Бакаева Э. П. Сакральные коды культуры калмыков. Элиста: ИКИАТ, 2009. 159 с.
- Гревцова 2018 — Гревцова Т. Е. Образ Великой Отечественной войны в фольклоре казаков-некрасовцев (по материалам коллекции Ф. В. Тумилевича) // Вестник Академии наук Чеченской республики. 2018. № 5(42). С. 78–82.
- Житецкий 1893 — Житецкий И. А. Очерки быта астраханских калмыков. Этнографические наблюдения 1884–1886 гг. М.: Тип. М. Г. Волчанинова, 1893. 75 с.
- Жуковская 2002 — Жуковская Н. Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Калмыцкие богатырские сказки 2017 — Калмыцкие богатырские сказки. Т. 1. М.: Первая Образцовая типография, 2017. 561 с.
- Калмыцкие сказки 2018 — Калмыцкие сказки в записи Г. Й. Рамстедта: тексты и исследования. В 3 ч. Ч. II. Переложение и переводы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 621 с.

- Кочешков 1973 — *Кочешков Н. В.* Орнамент монголоязычных народов как исторический источник (в порядке постановки проблемы) // Этнографические вести. Вып. 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 3–24.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 754 с.
- Мифы 1987 — Мифы народов мира. В 2 т. Т. 1. А–К. М.: Сов. энциклопедия, 1987. 671 с.
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Соколова 1995 — *Соколова Л. В.* Цвет в «Слове» // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. Т. 5. СПб.: Дмитрий Буланин. 1995. С. 195–200.
- СРЯ 1961 — Словарь русского языка / под ред. С. Г. Бархударова. Т. IV. С–Я. М.: Гос. Изд-во иностр. и нац. словарей, 1961. 1088 с.
- Kalmückische 1909 — Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Erster Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1909. 154 s.
- Kalmückische 1919 — Kalmückische Sprachproben. Gesammelt und herausgegeben von G. J. Ramstedt. Zweiter Teil. Kalmückische Märchen. Helsingfors: Societe Finno-Ougrienne, 1919. 155–237 s.

References

- Bakaeva E. P. Sacral Codes of Kalmyk Culture. Elista: Institute for the Comprehensive Study of Arid Territories, 2009. 159 p. (In Russ.)
- Barkhudarov S. G. (ed.) Dictionary of the Russian Language. Vol. IV: С–Я. Moscow: State Publ. House of Foreign and Soviet National Language Dictionaries, 1961. 1088 p. (In Russ.)
- Burykin A. A., Klyaus V. L., Kukanova V. V., Pyurbeev G. Ts. (eds.) Kalmyk Heroic Folktales. B. Mandzhieva (foreword); B. Mandzhieva, T. Mikhaleva, Ts. Seleeva (transl., etc.); B. Mandzhieva, Ts. Seleeva (comments, indices, etc.). Moscow: Pervaya Obratsovaya Tipografiya, 2017. 561 p. (In Kalm. and Russ.)
- Grevtsova T. E. The image of the Great Patriotic War in the Nekrasov Cossacks' folklore (on the materials of the collection of F. V. Tumilevich). *Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic*. 2018. No. 5(42). Pp. 78–82. (In Russ.)
- Kalmyk Folktales Recorded by G. J. Ramstedt. Texts and Studies. In 3 vols. Vol. 2: Transliterations and Translations. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 621 p. (In Kalm. and Russ.)
- Kocheshkov N. V. Ornamental patterns of Mongolic peoples as a historical source. In: *Ethnographic Messages*. Vol. 3. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 3–24. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 754 p. (In Kalm. and Russ.)
- Myths of the World. In 2 vols. Vol. 1: А–К. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1987. 671 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscape of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Ramstedt G. J. (comp.) Kalmückische Sprachproben (Kalmyk Speech Patterns). Part One: Kalmyk Folktales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1909. 154 p. (In Germ. and Kalm.)
- Ramstedt G. J. (comp.) Kalmückische Sprachproben (Kalmyk Speech Patterns). Part Two: Kalmyk Folktales. Helsinki: Finno-Ugric Society, 1919. 155–237 p. (In Germ. and Kalm.)

- Reshetnikov Yu. S. (ed.) Freshwater Fishes of Russia: Atlas. In 2 vols. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2003. 379 p. (In Russ.)
- Sokolova L. V. Color in The Tale. In: The Tale of Igor's Campaign. Encyclopedia. In 5 vols. Vol. 5. St. Petersburg: D. Bulanin. 1995. Pp. 195–200. (In Russ.)
- Zhitetsky I. A. Astrakhan Kalmyks: Sketches of Everyday Life. Ethnographic Observations of 1884–1886. Moscow: M. Volchaninov, 1893. 75 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)